

— Я хочу остаться в бадье... — Зеленоглазый иноземец побледнел от страха, в его голосе сквозило отчаяние существа, которого вот-вот бросят. — Не уходи... прошу, не оставляй меня.

Су Эр молчала.

Милый мой, я ведь всего лишь собираюсь поспать в соседней комнате. Откуда эта драма, будто мы прощаемся навеки? Ты сценарий перепутал или как? Вспоминая, как он при первой же возможности пытался сбежать, Су Эр сочла его нынешнее поведение лицемерным и чересчур наигранным. Подумав, она высвободила лодыжку из объятий Цзяожэня, сделала эффектное сальто назад и без оглядки выскользнула из комнаты.

Закрывая дверь, она заметила, что он опустил голову и зарыдал, лежа на полу. Она не слышала звуков, но видела, как жемчужины одна за другой падают на пол, подпрыгивая и рассыпаясь вокруг него.

В оранжевом свете свечей плачущий Цзяожэнь выглядел поистине прекрасно. Даже понимая, что это спектакль, Су Эр не могла не почувствовать укола жалости. Вернувшись в свою комнату, она долго ворочалась, не в силах уснуть: стоило закрыть глаза, как перед взором возникали рассыпанные по полу длинные синие волосы и склоненная голова, беззвучно роняющая слезы.

Проиграла! Ощущение, что этот красавец крутит ею как хочет, вызывало легкое раздражение. Помучившись, Су Эр все же поплелась обратно в его комнату, подняла с пола рыбчеловека, старательно собиравшего свои слезы, и запихнула его обратно в бадью. Приняв его дары — жемчужины — и небрежно бросив их в рюкзак, она наконец легла спать.

С того дня Су Эр стала осторожнее. Покинув пустыню, она купила карету, и теперь Цзяожэню не нужно было ничего делать, кроме как тихо сидеть внутри. Он не любил разговаривать, да и у Су Эр не было особого желания болтать, поэтому большую часть времени Цзяожэнь просто смотрел на нее немигающим взглядом, застыв в одной позе.

Сначала она не обращала внимания, но потом это начало ее пугать. Его пустой, остекленевший взгляд казался чем-то нездоровым. Поразмыслив несколько дней, Су Эр внезапно осенило: да у него же стокгольмский синдром!

В своих играх Су Эр часто выступала в роли жестокого тирана, поэтому прекрасно помнила симптомы этого расстройства, при котором заложник начинает испытывать симпатию к похитителю. Обычно требуется четыре условия:

Заложник должен чувствовать реальную угрозу жизни. ✓

Она убивала на его глазах, расправлялась с чудовищами, забрызганная кровью, и обыскивала трупы — безумие в чистом виде!

Похититель проявляет мелкие знаки внимания. ✓

О, ну конечно, она была предельно нежна и заботлива...

Заложник изолирован от внешнего мира и общается только с похитителем. ✓

Он сотню лет провел в одиночестве, а в пустыне они провели вместе целый месяц.

Заложник верит в невозможность побега. ✓

Первая попытка обернулась встречей с крокодилом, без нее он в пустыне пропал бы за миг, а за ее пределами его ждала бы еще более горькая участь. Разве не видно, как он теперь старается держаться поближе и угождать ей?

Су Эр сделала вывод: стокгольмский синдром во всей красе!

Главное, что это не было осознанным обманом или попыткой использовать ее. Су Эр не знала, как лечить этот недуг. Наверное, нужно просто наладить нормальные отношения, сменить обстановку и найти занятие по душе. Главное — не пользоваться его состоянием, а окружить заботой!

Сама Су Эр считала свое поведение благородным: она не отдалялась, а просто давала ему уважение и личное пространство. Но с точки зрения пациента-Цзяожэня, он уже был отвергнут своей хозяйкой.

То близость, то холод — такая тактика была губительна даже для обычного человека, что уж говорить о больном? Цзяожэнь давно забыл, что когда-то мечтал о свободе и подозревал Су Эр в обмане. Он был слишком одинок и лишь хотел, чтобы она относилась к нему так же, как при первой встрече.

Вскоре Су Эр заметила, что Цзяожэнь начал из кожи вон лезть, чтобы ей понравиться. В дороге он стал энергичнее, а на ночлегах, словно ребенок, стремящийся доказать свою полезность, отбирал у трактирного слуги подносы с едой и помогал ей стелить постель.

Однажды, заночевав на берегу реки, Цзяожэнь долго мялся, опустив голову, как школьник, просящий отгул, и наконец робко спросил, можно ли ему спуститься в воду порыбачить.

Су Эр удивилась — рыбе захотелось в воду, разве она могла отказать? Она улыбнулась:

— Конечно, иди поиграй. Только не уходи далеко, не стоит попадаться на глаза чужим.

Цзяожэнь нервно поднял голову:

— Я... я не убегу!

Не о том думаешь! Су Эр вздохнула:

— Вот и хорошо.

Цзяожэнь с досадой посмотрел на девушку, помедлил, но все же пошел к воде. Он аккуратно сложил одежду и нырнул. Вскоре он вернулся с кучей речных даров, гордый и полный ожиданий, словно пес, ждущий похвалы!

Су Эр не удержалась и взъерошила его синие волосы. Цзяожэнь закрыл глаза и, опустив голову, довольно подставил макушку под ее руку. Су Эр вдруг стало грустно: этот парень так старается, но ведь он все равно вернется в море. А когда вернется, забудет о своей привязанности...

Все эти заигрывания и нынешняя влюбленность казались фальшивыми, но каждый раз попадали точно в цель. Су Эр сетовала на его недальновидность: если он продолжит в том же духе, она не сможет его отпустить и финал истории станет трагическим!

Путь от пустыни до моря пролетел в бесконечных попытках Цзяожэня выслужиться. Чем ближе было море, тем беспокойнее он становился. Когда в воздухе запахло солью, он места себе не находил: то смотрел на Су Эр, то лихорадочно вглядывался вдаль.

Су Эр казалось, что в его голове идет битва между здравым смыслом и безумием. Она мысленно озвучивала его внутренний диалог: «Я, кажется, влюбился в эту похитительницу, что делать?!» — «Очнись! Любовь — это прекрасно, но жизнь дороже! А ради свободы можно пожертвовать всем!»

Конечно, здравый смысл побеждал, и Су Эр вздыхала, чувствуя грусть от грядущего расставания. Она ведь правда к нему привязалась... Если бы это была игра, она бы обманом или силой удержала его рядом. А если бы он не согласился — превратила бы это в мрачную историю, заперев там, где никто, кроме нее, не смог бы его увидеть. В игре можно было бы проигрывать сценарий снова и снова, и даже если бы он ее ненавидел, можно было бы просто загрузить сохранение и дожждаться того самого благодарного взгляда.

— Ты чего?

— Служу вам...

Лучше бы она влюбилась в игрового персонажа. Тогда, даже если все чувства фальшивы, можно было бы начинать сначала бесконечное количество раз.

Су Эр арендовала у местных лодку и вывезла Цзяожэня в море — он был слишком слаб, и она боялась, что его тут же поймают рыбаки.

Цзяожэнь лежал, свесившись за борт, опустив руку в воду, и тихо плакал. Вдруг он вздрогнул и

закрыв глаза рукой. Су Эр обеспокоенно спросила:

— Что с тобой?

Он поднял глаза, полные слез, и виновато произнес:

— Жемчужину... я забыл поймать.

Су Эр не знала, что и сказать. Она посмотрела на безбрежное темное море, где не было ни души, и подумала, что пора. Ей так хотелось просто пнуть его в воду:

— Хватит уже, не нужно ничего ловить. Ты дома. Прощай!

Цзяожэнь со слезами на глазах поднял голову:

— Ты не сердишься?

— Не сержусь я!

Он потер глаза, посмотрел на жемчужину у себя в ладони и с виной добавил:

— И правда... качество не очень.

Да ты издеваешься! Только что ты так драматично прощался, а теперь ведешь себя как торговец! Мне не нужны твои деньги!

Су Эр с сомнением посмотрела на него и решила разрядить обстановку:

— Мы столько времени провели вместе, а я даже имени твоего не знаю. Меня зовут Су Эр, а тебя?

Цзяожэнь замер, пытаясь вспомнить, и с каждой секундой его лицо бледнело все сильнее.

— Я... не помню... — Радость в его глазах угасла, сменившись растерянностью. Он смотрел в черную пучину воды, съеживаясь от страха.

Отлично, разрядила обстановку! Хотя это оказалось еще хуже.

Су Эр вздохнула и похлопала его по плечу:

— Да ладно, я в жизни больше не встречу другого Цзяожэня, так что имя не важно. Просто постарайся запомнить мое, чтобы потом не называть меня той человеческой самкой.

— Как я могу! Я никогда не забуду... — прошептал он.

Су Эр не придавала его словам значения, но ей стало грустно. Она не хотела показывать ему

свою слабость, поэтому, переведя дыхание, попросила:

— Давай, назови меня по имени, хочу услышать.

Цзяожэнь посмотрел на нее, его лицо немного прояснилось, но он смутился. Его голос прозвучал удивительно нежно:

— Су Эр...

Даже если ты не ценитель голосов, перед таким можно преклониться! Су Эр казалось, что у нее чешутся уши — обладатель такого голоса обязан быть божеством, а не наивным глупышом.

— Спой мне что-нибудь.

Девушка перед ним на мгновение стала такой же беззаботной, как до побега. Цзяожэнь уловил это, его щеки залил румянец, и он, опустив голову, запел на непонятном языке.

Су Эр слушала, глядя на море, и невольно вспоминала прекрасные строки из стихов. В игре ее любовь была собственнической и властной, но в реальности она хотела, чтобы любимый человек был счастлив.

Когда песня стихла, Су Эр сказала:

— Очень красиво, спасибо. Я буду беречь твои жемчужины. Ты можешь идти...

Цзяожэнь быстро взглянул на нее:

— А ты... куда ты?

— Тоже ищу дорогу домой...

Он опустил голову:

— Ты не могла бы еще немного побыть у моря? Я... я в воде... я уже не такой бесполезный. Я могу доставать жемчуг, сокровища с затонувших кораблей... Что ты любишь? Лобстеров, морские ушки, акулы плавники? Подожди меня... я все принесу!

Звучало очень вкусно. Су Эр, чья воля была не так тверда, как хотелось бы, заколебалась. Сокровища — ерунда, но морепродукты... Она кивнула.

Цзяожэнь просиял, прыгнул в воду и вскоре вернулся с горой морских деликатесов. Он повторял это до тех пор, пока лодка не оказалась почти полной.

— Я правда ухожу! — Су Эр попыталась остановить его поток «благодарностей», берясь за весла. — Не хочешь попрощаться?

Цзяожэнь плыл рядом, тревожно хватаясь за весло:

— Постой... не уходи! Ты же обещала побыть еще несколько дней?

— Лодка полна, я хочу на берег, поесть морепродуктов.

Он не хотел отпускать весло. Су Эр вырвала его и шутливо стукнула его по голове.

— Прощай!

Он замер, глядя на нее, и лишь когда она отплыла на несколько метров, опомнился, ударил хвостом по воде и погнался за ней:

— Постой!

Су Эр вопросительно наклонила голову. В его глазах отражалась целая буря: боль, страх, тоска, привязанность...

— Я... я просто хотел еще раз взглянуть на тебя! — Он выпрыгнул из воды, нагоняя лодку, и его голос стал твердым. — Возьми меня с собой! Я буду очень полезен! Я умею ткать ткань жэньйу, она не намокает в воде...

Су Эр улыбнулась. Когда-то она именно этого и добивалась: окружить его заботой, сделать зависимым, ведь он был так одинок. Она думала, что жизнь — это не игра, но каким-то чудом все вернулось к сценарию, который она когда-то наметила. Но нет, в реальности она не была мастером манипуляций и не могла бесконечно терпеть эмоционально нестабильного, психически больного любовника.

— Я уже говорила, мне не нужны деньги и твои жертвы. — Она смотрела на него бесстрастно, хотя голос звучал мягко. — Я не возьму тебя. С того момента, как ты сбежал в пустыне, я все решила.

— Я был неправ! — Цзяожэнь в страхе схватил ее за руку. — Я не знал, что делаю! После того как меня поймали, это был первый раз... мне было так страшно... я даже воды боялся... Прости меня! Поверь мне еще раз... я не сбегу!

Он был мужчиной, но снова готов был расплакаться. Другой человек был бы рад жемчужинам, но Су Эр... она не любила жемчуг. Ее пояс был украшен яркими камнями, которые, как и она сама, сияли так, что на них было больно смотреть.

«Мне было страшно... я боялся даже вернуться в воду... без тебя я словно снова в могиле...» — он умоляюще смотрел на девушку, не зная, как выразить свои чувства.

Он понимал: если не сбежит тогда, не сможет сбежать никогда. Рядом с Су Эр он становился чужим самому себе, забывая о гордости и о том, что никогда не склонится перед людьми.

— Нет, возвращайся в море. — Су Эр оттолкнула его холодную руку. — Ты знаешь меня уже несколько месяцев, когда я не держала слово?

Она старалась сохранять ледяное спокойствие, хотя сердце разрывалось.

— Мой дом очень далеко. Если я найду путь, то исчезну навсегда. Неизвестно, где я тебя оставлю — не зря ли мы все это затеяли?

— А если не найдешь? — Его глаза вспыхнули. — Приходи к морю! Я буду ждать, я принесу тебе много всего!

Су Эр промолчала. «Каркуша ты этакая, так и хочется врезать!» — подумала она.

— Больше не приближайся к берегу, еще поймают.

Цзяожэнь плыл за лодкой, не желая сдаваться. Она вспомнила документальные фильмы о животных: процесс выпуска на волю всегда был таким болезненным.

— Ладно, — сдалась она. — Давай договоримся на год. Если через год я не найду путь домой, я вернусь за тобой.

Его глаза вспыхнули, как звезды. Он радостно ухватился за весло:

— Правда? Придешь за мной?

Су Эр улыбнулась, ответив той же фразой, что и когда-то:

— Правда. Я слов на ветер не бросаю, верь мне.

— Я буду ждать!

Он с облегченной улыбкой нырнул в пучину, а Су Эр взялась за весла и горько усмехнулась. Каждый раз, произнося эти слова, она обманывала его.

Тогда это была игра, а сейчас... Су Эр никогда не собиралась возвращаться. Их судьбы должны были разойтись. Если через год она будет дома — ей не нужно соблюдать обещание. А если нет... кто знает, может, она совсем сойдет с ума от одиночества и вернется, чтобы запереть его навсегда.

Су Эр действительно так думала, но, к сожалению, ее воля оказалась не такой твердой, как ей хотелось бы.